

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

**Ефим
Резван**

В разных частях мусульманского мира — в Стамбуле, Ташкенте и Каире — хранятся четыре древнейших списка Корана. Каждая из этих древних рукописей несет на себе следы крови, и верующие полагают, что эта кровь принадлежит халифу Осману ибн Аффану, третьему после пророка Мухаммада правителю мусульманской общины. Мусульманская традиция приписывает этому человеку особую роль: именно по его приказу группой сподвижников Пророка был изготовлен список Корана, ставший позднее каноническим. Копии с этого списка, получившего название «Османовой редакции», были разосланы по основным городам, завоеванным мусульманскими армиями, а прежние разрозненные записи сожжены во избежание появления разночтений в Священном тексте. Один список халиф оставил у себя, и, когда в 656 г. заговорщики ворвались в его дом, они застали его за чтением Корана. Кровь зарубленного халифа оросила страницы рукописи.

Один из «Коранов Османа» был в 1869 г. вывезен из Средней Азии, помещен в Публичную библиотеку Санкт-Петербурга, а в 1918 г. возвращен мусульманам по специальному указанию Ленина. Сейчас эта рукопись как драгоценная реликвия хранится в Управлении по делам мусульман республики Узбекистан.

Ефим Анатольевич Резван — доктор исторических наук, главный редактор международного научного журнала «Манускрипта Ориенталия», заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук.

Неожиданное приобретение

Уже многие годы я работаю с коллекцией Коранов, которая является одной из крупнейших в Европе. Громадный пергаментный фолиант, составляющий гордость этой коллекции, не мог не привлечь особого внимания. История его приобретения подробно описана академиком И.Ю. Крачковским в книге «Над арабскими рукописями». Осенью 1936 г. в Институт востоковедения обратилась пожилая дама, предложившая приобрести разрозненные листы Корана. Попытки

И.Ю. Крачковского распросить ее о происхождении рукописи натолкнулись на явное нежелание посетительницы углубляться в подробности. В те страшные годы это было объяснимо: люди часто опасались, что рукописи могут конфисковать. Они боялись, как пишет И.Ю. Крачковский, «показать свое родство с бывшими владельцами больших библиотек или компрометировать себя связью с известными когда-то фамилиями». Это могло стоить человеку ленинградской прописки. Вскоре женщина пришла вновь и принесла

еще несколько листов из того же списка и несколько книг. На корешке переплета одной из них И.Ю. Крачковский заметил хорошо знакомое ему сочетание букв «IN.» Не показав, однако, вида, он продолжил разговор. Лучше всего снова обратиться к рассказу самого И.Ю. Крачковского.

«„Значит и Коран, вероятно, из библиотеки Ириней Георгиевича Нофалья?“ — „Откуда вы узнали?“», побледнев, с каким-то испугом прошептала она. Я, не скрывая, объяснил, в чем дело и как я догадался, но на большую откровенность не вызвал. Она едва дождалась уплаты обещанной суммы и торопливо ушла, точно опасаясь погони...

Между тем, я не сказал ничего ужасного. Ириней (или по-арабски Селим) Нофаль был многолетний профессор арабского языка и мусульманского права в Учебном отделении восточных языков Министерства иностранных дел во второй половине XIX в. Как большинство преподававших здесь, он чувствовал себя скорее чиновником и дипломатом, чем ученым, но дипломатом он был внешне блестящим и почти всегда представлял министерство, а ино-

Лист из рукописи Корана, принадлежащий Санкт-Петербургскому академическому собранию.

сгал даже несколько беллетристических произведений, имевших известный успех. В министерстве обратили на него внимание и, когда безнадежно заболел преподававший в Учебном отделении шейх Тантави, его пригласили занять это место. В Россию он приехал около 1860 г. и настолько обрусел, что его дети никогда не были на родине отца и даже забыли арабский язык... В министерстве он сделал большую карьеру и достиг высоких чинов и орденов. Судьба его библиотеки, к сожалению, печальна. Полубрусевские, полуофрануженные его сыновья получили свое образование в привилегированных

учебных заведениях и принадлежали к известной тогда «золотой молодежи». Ни наукой, ни литературой они не интересовались, карьеры тоже не сделали, и, существуя на средства отца, постепенно докатились до того, что, пользуясь его старостью, тайком стали распродавать отдельные книги букинистам. После его смерти вся библиотека пошла окончательно прахом».

Уместно добавить, что Селим Нофаль (1828–1902) был не только библиофилом. Его помнят в Ливане как до-

Селим Нофаль.

вольно известного литератора, автора критических статей, политических эссе, биографии Мухаммада на французском языке.

Крачковский сразу же оценил значение рукописи как одной из древнейших копий Корана. Она была кратко описана, приобрела соответствующий номер, и, как полагается, помещена в специальное хранилище. Ни в то время, ни позднее рукопись детально не исследовали. Помимо отсутствия «официального интереса» к памятникам такого рода, существовало, по крайней мере, еще одно обстоятельство: в европейских собраниях можно было обнаружить считанные параллели этой рукописи. Фрагменты, переписанные похожим почерком, были отмечены лишь в собраниях Парижа, Лондона и Ватикана.

Положение кардинальным образом изменилось в 70-е годы, когда были сделаны сенсационные находки хранилищ древних Коранов в Мешхеде, Каире, Дамаске, Кайруане и самое главное — в Сане (Йемен), где при ремонте соборной мечети было обнаружено более 40 тысяч древних фрагментов отдельных списков Корана. В результате исследования этих рукописей, предпринятого французскими и немецкими учеными, появился бесценный инструментарий и стало возможным определить место петербургской рукописи среди ей подобных. Оказалось, что по целому ряду признаков рукопись можно датировать по крайней мере VIII в. н. э.

Дело в том, что ранние рукописи Корана не содержали названия сур — «глав». Эти названия были добавлены позже переписчиками Священной книги. В нашем случае было совершенно очевидно, что названия сур и нумерация *айатов* (стихов) были добавлены спустя 50–100 лет и зарисованы специальным орнаментом. Рукопись была переписана древним почерком *хиджази*, происходившим из западных районов Аравии и сирийского приграничья. Она создавалась в период так называемого устно-письменного бытования Корана. Арабское письмо было тогда настолько несовершенным, что написанный им текст мог служить лишь подспорьем при recitation Корана наизусть. В связи с тем, что рукопись можно было связать с традицией, существовавшей в западных районах Аравии и Сирии, казалось логичным предположение, что Ириней Нюфаль привез ее в Россию из Ливана, исторически очень тесно связанного с Сирией.

В 1998 г. я опубликовал посвященную рукописи статью, написанную мной совместно с дочерью — тогда студенткой Восточного факультета СПбГУ, которая провела над текстом рукописи многие часы, сверяя ее текст с экземпляром, изданным в Каире. И тут-то на-

чалось самое интересное. Французский коллега, прочитавший статью, сообщил мне, что в мавзолее, расположенном в горном кишлаке недалеко от Самарканда, хранится еще 12 листов, идентичных петербургской рукописи. Один лист из нее обнаружился в собрании ташкентского Института востоковедения, еще два — в одной из бухарских библиотек. Стало очевидно, что в Петербург рукопись попала, скорее всего, из Средней Азии.

И вот в декабре 1999 г. при помощи французских и узбекских коллег, многие из которых были прежде нашими аспирантами, мне удалось совершить поездку в Катта-Лангар.

В ущелье Кок-Су

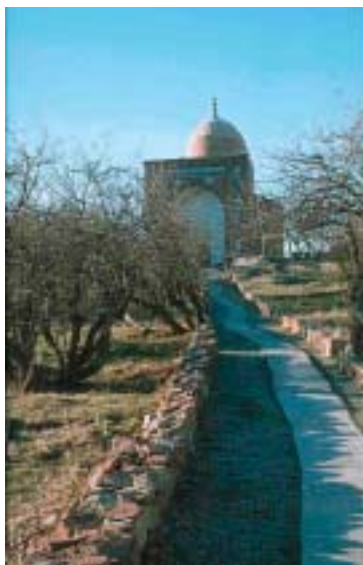
Катта-Лангар расположен в отрогах Зарафшанского хребта, в ущелье Кок-Су, что в ста километрах к югу от Самарканда. Район интересен в историко-культурном отношении. Неподалеку от Катта-Лангара зафиксировано античное городище Бабур-тепе. В урочище Мунчак-тепе обнаружена керамика античного времени. Где-то здесь находились крепости «Согдийская скала» и «Скала Хориена». Именно эти горные твердыни осаждал в 327 г. до н. э. Александр Македонский, здесь он встретил Роксану. Попытки установить местонахождение крепостей делал в свое время русский военный инженер Б.Н. Кастальский, однако локализовать эти объекты до сих пор не удалось.

О том, что в этих труднодоступных местах находила убежище древняя христианская община, свидетельствуют нерасшифрованные до сих пор скальные граффити с христианской символикой. Где-то здесь, возможно, на месте одной из упомянутых горных крепостей, позднее находилась последняя резиденция ал-Муканны, вождя восстания «людей в белых одеждах», захваченная в 783 г. халифским наместником Мусаййабом ибн Зухайром. Последователи ал-Муканны еще долго скрывались в этом районе, а местные жители едва ли не до XV в. считались плохими мусульманами. Именно такие места привлекали внимание суфийских проповедников.

В пяти минутах езды от Катта-Лангара находится Араб-кишлак, жители которого, исконные арабы, до сих пор сохранили родной язык. Устная традиция упорно связывает появление здесь арабов с деятельностью Тимура. Исторические источники и документы фиксируют, по крайней мере, одну волну такого переселения, имевшую место в начале XVI в.

Мечеть и усыпальница суфийских шейхов братства *'шикиййа* в Катта-Лангаре, представляющие собой подлинные шедевры сред-

невекового мусульманского зодчества, не раз привлекали внимание путешественников и специалистов. Возможно, первым европейцем, оценившим красоту и значение этих памятников, был упомянутый Б.Н. Кастальский, сделавший фотосъемку местных памятников. Первое же их описание принадлежит русскому офицеру и художнику Б. Литвинову. С 1942 г. предпринимались попытки историко-археологического и историко-архитектурного обследования Катта-Лангара, но начало его специальному исследованию было положено

Мазар в Катта-Лангаре. Фото автора.

в 1961 г. Искусствоведческой комплексной экспедицией Института искусствознания Узбекской ССР. В 1964 г. эти исследования были продолжены Кешской археологическо-топографической экспедицией Ташкентского государственного университета под руководством М.Е. Массона. В 1983 и 1989 гг. здесь по программе Узбекского института реставрации памятников архитектуры работали узбекские исследователи.

Но обо всем этом я не знал в то раннее промозглое утро декабря 1999 г., когда наша небольшая экспедиция выезжала из Ташкента. За рулем мощного джипа, любезно предоставленного нам директором Французского института по изучению Центральной Азии доктором Винсеном Фурнье, находился настоящий ас, Стас Ашуралиев, досконально знающий дороги своей республики. В кабине — мои друзья и коллеги Афтандил Эркинов, Шадмон Вахидов и Ольга Цепова.

Путь был неблизкий. Вдоль шоссе мы видели многочисленные плакаты, рассказывающие об успехах республики, портреты ее президента Ислама Каримова (в Узбекистане приближались президентские выборы). Тексты повсюду были на кириллице и латинице: республика постепенно переходит на латинский алфавит. Проскочили мост через Сырдарью и небольшой анклав территории Казахстана. Обустроен-

ные пограничные сооружения пустовали, поскольку соседние республики договорились о беспрепятственном проезде через границу.

... Дорога все круче забирала в гору. Пролетаем перевал, и, спустившись на равнину, оставляем справа купол Самарканда, поблескивающий в солнечной дымке. Очень хочется завернуть, но нельзя — нет времени. Увидев дипломатические номера, узбекский автоинспектор в знакомой форме опускает поднятый было жезл. Въезжаем в Шахрисябз. У развалин средневековой

цитадели — гигантский золоченный памятник Тимуру. Раньше здесь стоял Ленин. Заезжаем в переулочек и берем с собой местного старожилу Джура-хана Асамова — потомка лангарских *шианов*, духовных наставников и попечителей святынь: он будет нашим проводником.

Вновь дорога идет на подъем. Оставляем справа гигантскую бетонную плотину, прорезающую склоны правильной полукруглостью и останавливаемся на крутом повороте у обрыва. Джура-хан Асамов показывает на белеющий вдали купол — вот он, катталангарский *мазар*. Солнце неудержимо валится вниз, мы спешим, но узкий проселок,

вьющийся по предгорью, уже не дает возможности мчаться, как прежде. Появляются первые дома, у дверей — любопытные черноглазые женщины в красивой национальной одежде, с детьми на руках. Вдоль улицы на ослике едет старик в чалме, его ноги в остроносых сапогах и галошах едва не касаются земли. Останавливаем машину и идем в гору к старинной мечети. Нас встречают ее *имам* 'Абд аль-Джаббар Ибрахим и величавые колоритные старики. Все вместе поднимаемся еще выше, к изумительному мазару, купол которого четко очерчивается на фоне розового закатного неба.

Открываются старинные двери. Дверной проем испан паломниками. Обращаю

Джура-хан Асамов на фоне мазара в Катта-Лангаре. Фото автора.

внимание на даты: тридцатые, сороковые, шестидесятые годы XX в. Нам показывают расписной сундук, где некогда хранились реликвии, позволяют вынести его, чтобы сфотографировать. И вот, наконец — достают драгоценные листы пергамента. Это, несомненно, тот же знаменитый древний почерк, которому больше тысячи лет. Бросаю сфотографировать листы, ловя лучи заходящего солнца. Старик-сторож мазара сидит у порога и, кажется, не интересуется происходящим. Совершается краткая молитва...

Реликварий мазара в Катта-Лангаре. Фото автора.

По пути вниз слушаем истории, связанные с этим удивительным местом. Звучит легенда о великом Тимуре, который наказал в далекой Сирии арабское племя, отправив его в ссылку в эти места. Имам подробно рассказывает историю строительства мечети и мазара, пересказывает легенду о шейхе Мухаммаде Садике, который похоронен в мазаре вместе с дедом, отцом и сыном...

И вот я вновь в Петербурге, в нашем здании на Дворцовой набережной, где хранятся уникальные восточные древности. На столе рукопись и фотографии. Радость от того, что один из узбекских фрагментов точно заполняет лауну в петербургской части рукописи. Наверное, подобное чувство переживает охотник, долгие дни выслеживавший добычу и слышащий вдруг рев зверя в лощине. Долгие часы в библиотеке, каждый из которых дарит крупицу ценнейшей информации и позволяет восстановить историю тысячелетнего списка, в том числе то, что происходило в ущелье Кок-Су около пятисот лет назад...

Легенды и гипотезы

Адепты суфийского братства 'ишкийя появились в Мавераннахре, «в земле, которая лежит за рекой» (т.е. за Амударьей) по крайней мере в XIV в. Об этом свидетельствует эпиграфика комплекса в Астана-Ате в Зирабулакских горах (Самаркандская область, поселок Ингичка). Здесь расположены мечеть (конец XVII — начало XVIII вв.) и мазар

(датируется концом XV в.).

На рубеже XV—XVI вв. шейхи 'ишкийя по не установленной пока исследователями причине покидают Астана-Ату, которая остается лишь мемориальным комплексом, и переселяются на 150 километров южнее, в место, названное позднее Катта-Лангар. Легенды, описывающие этот переезд, упорно связывают его с именем Мухаммада Садика, именно ему присвоено прозвище Лангар-Ата и именно с его именем связывают возведение здесь мечети и мазара.

Что же заставило шейхов 'ишкийя покинуть обжитую Астана-Ату, тем более, что новое место ни топографически, ни климатически не отличалось от прежнего?

В годы, когда такой переезд мог состояться, Мавераннахр находился под властью Тимуридов, которая все более слабела. С Тимуридами было тесно связан могущественный Ходжа Ахрар (1404—1490), крупнейший политический деятель и обладатель одного из самых значительных состояний своего времени. Он был главой братства *накибандийя* и немало сделал для политического и экономического упрочения братства и роста его влияния не только в Мавераннахре, но и за его пределами.

В это же время все больше укреплялось положение Мухаммада Шайбани-хана (ум. в 1510 г.), готовившегося к завоеванию Мавераннахра. Шайбанидам был нужен союзник, подобный Ходже Ахрару. Далеко не случайно, что Шайбани-хан, захвативший Самарканд в 1500 г., конфисковал громадное состояние семьи Ходжи Ахрара и истребил его сыновей. В это же время начинается резкий рост влияния и могущества братства 'ишкийя и его шейхов. Среди их адептов — *муридов* оказывается множество представителей тюркской родовой знати (об этом свидетельствует, в частности, кладбище, расположенное рядом с катталангарским мазаром), активная вовлеченность катталангарских шейхов в политические события. Тогда же начинается возведение дорогостоящих архи-

тектурных сооружений: катталангарской мечети (1519/20 или 1515/16), мазаров в Катта-Лангаре и Астана-Ате. С падением Шайбанидов сходит на нет и влияние катталангарских шейхов, что только подтверждает связь первых и вторых.

Но вернемся к рубежу XV–XVI вв. Шейхи 'ишкийя уходят подальше от Самарканда, вотчины Ходжи Ахрара, ближе к афганским пределам, с которыми у них существовала какая-то связь. Очевидно, в это время должен был каким-то образом оформиться и союз с Шайбанидами. Влияние того или иного братства и его шейхов не в последнюю очередь определялось наличием священных реликвий, которые самим своим существованием должны были подтвердить предания, сопроваждавшие историю братства. Среди священных реликвий братства накшбандийя был и «Коран Османа», появление которого в Мавераннахре предание упорно связывает с именем Ходжи Ахрара. По нашему мнению, именно на рубеже XV–XVI вв. такой список появился и среди священных реликвий братства 'ишкийя.

Шайбаниды оспаривали власть у потомков Тимура; сторонники братства 'ишкийя соперничали с суфиями из братства накшбандийя; две древние рукописи Корана противостояли друг другу в этой борьбе.

Среди реликвий, которые оказались в то время в руках катталангарских шейхов, были и другие примечательные предметы: *тасбих* — связка каменных четок желтого цвета, якобы принадлежавших самому пророку Мухаммаду (четки хранились при катталангарской мечети, показывались паломникам, но в руки их никому не давали); *муй-и мубарак* — священный волос из бороды Мухаммада, и, наконец, *хирка*, или *джандачпан* — тоже, якобы, принадлежавшая Мухаммаду.

По рассказам старожил, волос Пророка был рыжего или светло-коричневого цвета. Иногда

это приводило в смущение паломников, полагавших, что Мухаммад был брюнет. Хирка же была из светло-коричневой верблюжьей шерсти, имела воротник и длинные рукава, спускавшиеся почти до колен. Ткань украшали желтые, синие и красные узоры. Полагали и другое: что хирка была сделана из шерсти барана, принесенного в жертву Ибрахимом (библейским Авраамом). По преданию, она не имела швов, так как была чудесным образом нерукотворно изготовлена для Мухаммада.

Каким же образом копия Корана, вошедшая в число священных реликвий братства 'ишкийя, попала в Катта-Лангар? Здесь, к сожалению, мы можем лишь строить гипотезы.

С переселением сюда Мухаммада Садика связана интересная легенда. Когда он был молодым мюридом, его обязанностью было подогревать и подавать своему учителю теплую воду для предмолитвенных омовений. Обнаружив однажды, что топлива нет, он положил кумган с холодной водой себе под мышку и заснул. И тут свершилось чудо: вода вскипела. Учитель, обжегшийся горячей водой, понял, что его мюрид достиг *хакиката* — последнего этапа мистического пути, и со словами «Нам вдвоем здесь делать нечего» велел ему искать другое место для жизни и проповеди. На прощание учитель сказал:

«Пусть будет местом твоего постоянного пребывания то, где верблюд твой упадет от усталости и не встанет в течение трех дней». Послушный Мухаммад Садик долго блуждал по земле в поисках подходящего места для своей обители. В одном месте верблюд, который с одной стороны седла нес сундучок со священным списком Корана, а с другой — хирку Пророка, упал, но через день двинулся дальше, в другом пролежал два дня, и лишь дойдя до территории будущего Катта-Лангара, изнемогшее животное не вставало трое суток.

В 1513 г. узбекские султаны, занявшие перед тем северный

Большая мечеть Бухары.

Хорасан и Балх, вынуждены были очистить захваченные области. Султан ‘Убайдулла переселил в Бухару жителей Мерва, а Джанибек-султан переселил через Амударью в свой удел жителей Балха, Шубургана и Анджоя — района в северном Афганистане, где жили арабы. Документы показывают, что переселенцы нуждались в покровителе на новом месте, при этом существовало и понятие *ихтимам* — «плата за заботу». Может быть, легенда о долгом путешествии и изнемогшем верблюде отражает долгий путь переселенцев, а старинный список Корана и другие реликвии стали «платой за заботу»?

В предании о строительстве мечети в Катталангаре, рассказанном мне ее имамом ‘Абд ад-Джаббаром ибн Ибрахимом, постоянно подчеркивается, что мечеть строилась коллективно, каждое из соседствующих с местом строительства племен отвечало за тот или иной «аспект» строительства: заготовку или подвоз стройматериалов, предоставление скота, приготовление пищи для строителей и т.п. Целью сооружения мечети, начатого всего через несколько лет после переселения, было объединение мусульман независимо от их этнического происхождения, чтобы тем самым переселенцы интегрировались в местную среду.

Может быть, к шейхам братства ‘ишкиййа, имевшим, как мы помним, связи с Афганистаном, обратились за помощью будущие переселенцы и с этим связан и сам их переезд в Катта-Лангар?

И, наконец, предания связывают переселение арабов в Мавераннахр с решением Тимура наказать жившее в Сирии арабское племя, чьи предки обвинялись в соучастии в убийстве внуков пророка Мухаммада — Хасана и Хусайна. Согласно одной из версий предания об этом переселении, арабы были направлены Тимуром «в Китай», и лишь заступничество Мир Хайдара, бывшего, якобы, религиозным наставником грозного владыки, позволило поселить их в районе Гиссара и Карши. Соблазнительно предположение, что именно эти люди привезли с собой древнюю копию Корана, выполненную в традициях, связанных с Омейядской Сирией.

В конце XIX в. часть рукописи Корана, хранившейся в катталангарском мазаре, была продана. Русский военный топограф полковник Белявский, посетивший эти места в 1889 г., во время рекогносцировки восточных регионов Бухарского эмирата, описал облик катталангарского *мутавали*, на попечении которого находилась святыня, следующим образом: «Теперешний *мутевали* назначен уже три года тому назад. Имеет мягкие вкрадчивые манеры; выказывает боль-

шую наружную скромность и смирение. Одет при приеме гостей весьма просто — белая рубаша и легкие сапоги (*чишиги*) с башмаками на босую ногу составляли все его одеяние. В манере говорить и обращении он напоминал польского ксендза». По-видимому, именно с деятельностью этого человека связано исчезновение из мазара половины рукописи Корана и появление его фрагментов на книжном рынке Бухары.

В то время как часть рукописи приобрел Ириной Нофаль, один лист был куплен Мухаммадом Шариф-Джаном Махдумом Садр-и Зийа’ (1867–1932), верховным судьей при последнем бухарском эмире — поэтом, меценатом и знаменитым библиофилом, репрессированным при советской власти и погибшим в тюрьме в 1932 г. Этот лист хранится теперь в Институте востоковедения АН Узбекистана в Ташкенте.

Два листа приобрел Мухаммад Сиддик ибн Амир Музаффар по прозвищу «Хишмат» (1857–1927), сын Бухарского эмира Музаффар ад-Дина. Мухаммад Сиддик проявил себя прекрасным знатоком поэзии и литературы, но весьма посредственным поэтом. Листы, принадлежавшие прежде этому человеку, хранятся сейчас в Бухарской областной библиотеке им. Ибн Сины.

Владельцы листов Корана известны как знающие библиофилы, оба составили дошедшие до нас каталоги своих библиотек, и оба пишут, что, по их мнению, в их руки попали фрагменты знаменитого Корана Османа. Это

Мухаммад Шариф-Джана Махдум Садр-и Зийа’.

свидетельство тем более важно, что тот и другой, без сомнения, знали историю вывоза рукописи в Публичную библиотеку, однако признавали за священную реликвию не тот список, что был вывезен в Петербург в 1869 г., а тот, фрагменты которого им почастливилось приобрести.

Сохранилось предание, что осенью 1920 г., в дни бегства последнего бухарского эмира в Афганистан, по Катта-Лангару пронесся слух, что туда едет инкогнито японский принц. Вскоре какой-то человек, закутанный в богатый зеленый халат и очень напоминавший внешнею последнему эмиру Мир 'Алима (1910–1920 гг.), появился в Катта-Лангаре, совершил *зийару* (паломничество), поклонился священным реликвиям и тотчас покинул кишлак.

В декабре 1999 г., во время поездки в Узбекистан, мне довелось слышать другую легенду, согласно которой Мир 'Алим оставил в одном из кишлаков, расположенных в отрогах Гиссарского хребта, копию Корана Османа. По словам информаторов, он собирался увезти священную реликвию в Афганистан, но не стал этого делать, когда узнал о существовании *хадиса*, священного предания, восходящего к пророку Мухаммаду и говорящего о том, что Коран Османа навсегда останется в Мавераннахре. Поиски этого хадиса, предпринятые сотрудниками Института востоковедения им. Бируни АН Узбекистана, успеха не принесли. Лишь время покажет, идет ли в последней легенде речь о катталан-

Мухаммад Сиддик ибн Амир Музаффар.

гарском списке (а мы склоняемся именно к этому), или же имеется в виду другая рукопись, возможно, столь же древняя и ценная. Кто знает, может быть, вовремя сочиненный хадис позволил хранителям катталангарских реликвий предотвратить вывоз за пределы страны части рукописи, оставшейся к тому времени в их распоряжении.

По словам ишанзаде Джура-хана Асамова, принадлежащего к роду катталангарских ишанов, в 1941 г. он, будучи ребенком, видел 143 листа интересующей нас рукописи Корана, а в 1983 г. их было уже 63.

Принятое в том году постановление ЦК Компартии Узбекистана, направленное на борьбу против народных исламских верований, сыграло в судьбе нашей рукописи роковую роль. Инициатором и куратором выполнения этого постановления стала бывшая тогда министром культуры УзССР Р. Абдуллаева. В мазарах и мечетях по всей республике изымались священные реликвии, раскапывались могилы святых. Результаты раскопок, в которых вынуждали участвовать ведущих узбекских ученых, активно демонстрировались по местному телевидению. Опасаясь за судьбу рукописи, председатель местного совета унес ее к себе домой, но спасти ее и другие реликвии все-таки не удалось. Кибиров, заместитель начальника управления КГБ по Кашкадарьинской области Узбекистана и уроженец Джизака (что в условиях системы местно-клановой конкуренции имело существенное значение), лично распорядился конфисковать катталангарские святыни. По рассказам очевидцев, буквально накануне конфискации одному из старейшин кишлака, Тухто-Баба Раджазову, удалось забрать несколько листов рукописи. Сам Тухто-Баба ныне это упорно отрицает. Десять лет спустя, в 1993 г. *хаким* Кашкадарьинского *вилаята* Тимур Кадиров вернул в мазар известные нам двенадцать листов.

Nabent sua fata libelli. Книги имеют свою судьбу. Двенадцативековая история нашей рукописи — это поистине удивительное странствие, неразрывно связанное с судьбами династий и государств, городов и людей, с судьбами исламской цивилизации от ее возникновения в Аравии VII в. до торжества ислама, пережившего коммунизм на просторах среднеазиатских республик СССР.

Сегодня рукопись Корана, о которой идет речь, — важнейший источник по истории фиксации Священного текста, предпринятой первыми мусульманами почти 14 веков назад. Анализ рукописи, содержащей около 50 процентов всего текста Корана (а обычно списки такого возраста доходят до нас лишь

в очень коротких фрагментах), позволил опровергнуть ряд популярных в западной науке гипотез о том, что полный текст Корана, который дошел до нас, возник не ранее IX в. Текст петербургской рукописи практически не отличается от того, что публикуется сегодня, и самим своим существованием подтверждает мусульманское предание о ранней истории Священной книги.

Я очень благодарен своим узбекским, французским и немецким коллегам, без активной и бескорыстной помощи которых не удалось бы узнать многое из того, что стало известно сегодня. Несмотря ни на что, научное братство существует. Ни государственные границы, ни различия в вероисповедании, ни политическая конъюнктура не способны помешать совместной работе. Сейчас готовятся русское, английское и арабское издания монографии, посвященной этой рукописи Корана. Монография будет снабжена двумя лазерными дисками, содержащими большое количество иллюстративного материала, видеофильм «В поисках Корана Османа», съемки которого я планирую завершить в ближайшее время, и главное — полноцветное воспроизведение дошедших до нас листов древнего списка.

Речь идет о качественно новом подходе к изданию исследовательских материалов, который можно условно назвать «изданием в трех измерениях»: первое измерение — текст стандартной книги, который обычно помещается на трехдюймовой дискете; второе измерение — лазерный диск, содержащий 200–300 полноцветных изображений высокого качества (объем информации — на несколько порядков выше); третье измерение — лазерный видеодиск (скачкообразный рост объема передаваемой информации), придающий «объемность» всему про-

Верховный Муфтий Узбекистана Абд ар-Рашид Бахромов у сейфа, где сегодня хранится «Коран Османа», принадлежавший прежде Ходже Ахрару (Ташкент, декабрь 1999 г.).

екту, дающий самые широкие возможности для гуманизации фундаментальных исследований самого разного направления, в первую очередь, в научно-популярной и учебной сферах.

Теперь можно смело утверждать, что на берегах Невы хранится одна из древнейших и важнейших в мире рукописей Корана, мусульманская реликвия, не уступающая по своей значимости тем, что почитают мусульмане в Каире, Стамбуле и Ташкенте. Совсем недавно я узнал о возможной связи с именем Османа и одной из древних лондонских рукописей Корана, привезенной некогда из Индии. Мир стал другим, и может быть однажды я смогу прикоснуться к каждому из этих драгоценных списков и попытаюсь проникнуть в тайны, которые хранят их тысяче-летние страницы.

Сторож у ворот мазара в Катта-Лангаре. Фото автора.

